

Р. О. ЯКОБСОН

Изучение «Слова о полку Игореве» в Соединенных Штатах Америки¹

Тереза Альбертина Луиза, дочь харьковского профессора, немца фон Якоба, вышедшая замуж за американского богослова Э. Робинсона, более известна славистическому миру под своим литературным именем Талви. В 1834 г. она первая познакомила американских читателей со «Словом о полку Игореве»: «Это памятник национального поэтического творчества, сочетающий высшую красоту с такою же силой и изысканностью. . . Действительно в этот ранний период русские уровнем своей духовной культуры превосходили почти все прочие области Европы».²

Первый полный перевод «Слова» на английский язык вышел в Нью-Йорке в 1902 г. Он принадлежит основоположнику университетского славяноведения в Америке, гарвардскому слависту Лео Винеру.³ Заниматели славянской филологии в Колумбийском университете, Дж. Принс и К. Маннинг, силились разобраться — первый в имени Трояна и Бояна и в тюркизмах «Слова»,⁴ а второй в мотиве «девы-обиды».⁵

Но начало систематической работы над «Словом» в Америке следует датировать 1943 г. При Свободном университете (Ecole Libre des Hautes Etudes), созданном в Нью-Йорке французскими и бельгийскими учеными, бежавшими от немецких оккупантов, возобновил свою деятельность Брюссельский институт славянской и восточной истории и филологии. Его неутомимый руководитель Анри Грегуар, мировой знаток византийской культуры и международно-эпической традиции, привлек к активному сотрудничеству группу американских и европейских специалистов по языкам, письменности, фольклору и истории славянского, греческого и восточного мира, и весной 1943 г. первый цикл публичных лекций был посвящен всестороннему обсуждению «Слова о полку Игореве». Эти доклады и дебаты, как сообщает отчет Института, «наглядно показали подлинность памятника, опровергнув все контраргументы» (III, стр. 491). Осенью 1943 г. началась дальнейшая стадия работ Института — трехлетний семи-

¹ Римские цифры отсылают к «Библиографии работ по Слову» (стр. 110—114), а арабские — к «стихам» (абзацам) нашего перевода «Слова о полку Игореве» на современный русский язык (стр. 114—119).

² Historical View of the Slavic Language in its Various Dialects. — The Biblical Repository, IV, Эндوفر и Нью-Йорк, 1834, стр. 363. (Ср. XI).

³ The Word of Igor's Armament. The Anthology of Russian Literature, I, Нью-Йорк, 1902, стр. 80—96. Второй американский перевод был выпущен Александром и Вандой Петрункевич: The Lay of the War-ride of Igor. Poet Lore, XXX, Бостон, 1919, стр. 289—303.

⁴ Proceedings of the American Philosophical Society, LVI, 1917, стр. 152—160; LVIII, 1919, стр. 74—88.

⁵ Transactions of the American Philosophical Association, LI, 1920, стр. 44.

нартий, руководившийся тою же международной группой ученых и поставивший своей задачей систематический анализ «Слова» и родственных ему памятников. Деятельность этого семинария была затем продолжена в Колумбийском, а с 1949 г. в Гарвардском университете.

Предварительные данные о работе нью-йоркского содружества появились в печати с 1943 г. (см. I, IV, V), а подробные результаты разысканий, которые первоначально предполагалось включить в один объемистый том, легли в основу трех самостоятельных публикаций (VIII, XI и XIX), изданных с 1948 по 1951 г. и составивших в общей сложности свыше семисот страниц. Оставалось резюмировать дискуссию, отметить ее важнейшие достижения и наметить очередные задачи (см. XXI).

Послесловие к первому тому американской трилогии воспроизвело (VIII, стр. 362) в целом совпавший с ее программой призыв А. С. Орлова, которым покойный академик заключил свое последнее издание «Слова»: «Нам, русским ученым, придется сражаться с зарубежными силами, чтобы путем взаимной помощи достигнуть объективной истины... Надо безотлагательно привести в ясность и рассмотреть полную наличность данных самого памятника — прежде всего со стороны языка, в самом широком смысле... Тогда вся шелуха и корки вроде модернизмов, галлицизмов, романтизмов, романсов, песенников и т. п. ссыпятся сами собой как ничем не оправданная выдумка и кончится беспринципная, дилетантская игра».⁶

Основной задачей нашей коллективной работы над памятником была подготовка его критического издания, отвечающего современным познаниям в различных отраслях славянской филологии и методологическим требованиям герменевтики. Последний опыт языковедческой работы над изданием «Слова», труд Потебни, был семьдесятю годами старше изданной Институтом книги, и надо прибавить: не в филологической интерпретации была сила знаменитого лингвиста. Многие из конъектур и толкований, накопившихся за полтора столетия лет занятий «Словом», продолжали повторяться по привычке, но не выдерживали научной критики и требовали пересмотра. Два различных этапа в истории памятника оставались недостаточно четко размежеванными: мусин-пушкинский список XVI столетия и оригинал конца XII в. Например, в мусин-пушкинской рукописи не должно удивлять хорошо знакомое памятникам XVI в. новообразование «хоти», которому в оригинале XII в. должна была соответствовать первоначальная форма союза «хотя» или «хотя и»; таким образом стих 210 не требует никаких гадательных поправок. Критика текста должна по возможности различать уклонения от оригинала, принадлежащие либо псковскому писцу XVI в., либо его предшественникам, и, с другой стороны, ошибки редакторов конца XVIII столетия в чтении рукописи XVI в.

Подробное и систематическое сличение издания 1800 г. (П) с Екатерининской копией 1796 г. (К) позволяет вскрыть невольные подновления старинного правописания копиистами и редакторами Екатерининской эпохи. Рукопись была написана довольно ясным почерком, но «разобрать ее было весьма трудно»: в ней не было ни знаков препинания, «ни разделения слов, в числе коих множество находилось неизвестных и вышедших из употребления, так что приходилось наобум расчленять непонятную речь на фразы и слова и лишь потом добираться до смысла». Значительные расхождения в разбивке текста между К и П подтверждает показание А. И. Мусина-Пушкина. За вычетом невольных подновлений орфографии, нескольких неточно раскрытых титл и надстрочных написаний и, наконец, единичных промахов, буквы в обеих копиях памятника прочитаны

⁶ А. С. Орлов Слово о полку Игореве. Л., 1946, стр. 212 и сл.

правильно, тогда как знаки препинания и словоразделы навязаны тексту А. И. Мусиным-Пушкиным и его сотрудниками и потому подлежат основательному пересмотру. Не только непонимание древнерусской лексики и грамматического строя, но и резкое различие литературных вкусов и навыков сводило с пути истинного первых издателей и их последователей.

Животные и неживые предметы выступают вестниками в средневековой поэзии: шум половецких телег возвещает наступление Игоря (30); стяги предупреждают о приближении вражеских войск (50); «несобственно прямая речь» передает зловеющий гомон галок о предстоящем пиршестве (65). Издательская замена надлежащего двоеточия точкой или запятой навязали «ирической песне» чуждую ей и ее эпохе модернистически самодовлеющую метафоричность слуховых описаний. Образ дятлов, снующих по лозию, прибрежному ивняку, и стуком указывающих Игорю в предрассветной тьме и тишине так называемый «залозный» путь от реки к реке (202), был разрушен ошибочной интерпункцией, имевшей последствием ряд излишних и искусственных конъектур.

Не зная древнерусского слова «вазьнь», К читает «утрьже вазнистри кусы» (156), а П — «утрь же возни стрикусы» с курьезным переводом «поутру же вонзив стрикусы». Этот перевод лег в основу дальнейших домыслов, и древнерусский словарь обогатился новоприобретенным «стрикусом», тогда как текст исправен и ясен и не требует никакой ретуши: «утрьже вазни с три кусы» — «урвал удачи с три клока». Чтение «подпръ ся о копии» (154) подсказывают дальнейшие слова «и дотчеся стружиемъ», т. е. древком того же самого копья, но в П и К последняя гласная в слове «копии» отделена запятой и «копи» отождествляется с графически сходным «кони».

В К и П непонятые слова подчас наделяются прописной буквой и осмысливаются как собственные имена; часть этих фикций продолжает тяготеть над интерпретацией «Слова»; «время бусово» (109) превратилось из «хмурого времени» (ср. 98) во «времена царя Бооза», а «карна и ж[e]ля» — «вопленица и плач» (81) оказались именами половецких ханов, и расстановка точек в 81—82 довершает неразбериху.

Надстрочные буквы иногда пропускаются (200 «в[с]троскоташа», 99 «дебрь[с]ки») или же неправильно прочитываются: 4 «речь» вм. «рече» (ср. 19, 205 П «рече», К «речь»), 76 «вступилъ» вм. «вступила», 94 «одъвахъте» вм. «одъвахуть», 103 «нимъ» вм. «нима», 116 «мужаймъ ся» вм. «мужаймъся», 129 «стремень» вм. «стремени», 136 «солнцю» вм. «сльньць» (= слньчь), 152 «которое» вм. «которою», 155 «оть нихъ» вм. «отай», 161 «бѣднѣ», вм. «бѣды», 166 «розинося» вм. «розьно ся», 168 «Ярославнымъ» вм. «Ярославны ми», 168 «незнаемъ» вм. «незнаемъ», 175 «горъ» вм. «горѣ», 197 «Днѣпръ» вм. «днѣ при» и т. п. Возможно, что именно неправильное прочтение надписного окончания способствовало подстановке номинатива «ночь» взамен беспредложного локатива «ночи» (33), тогда как в «Сказании о Мамаевом побоище» соответствующий пассаж сохранил архаичную синтаксическую конструкцию: «долго нощи вечерняя заря потухла» (вар. «померкла»). В результате первоначально четкий текст стихов 33—34 «Дльго ноци мръкнетъ заря. Свѣтъ запала») был обесмыслен произвольной интерпункцией («Дльго. Ночь мръкнетъ, заря свѣтъ запала»).

Разночтения К «Зояни» и П «Трояни» (152), по всей вероятности, восходят к непонятому написанию «Зтрояни» (ср. контрастирующий образ «земли половецкыи» в том же стихе и сочетание 76 «землю трояню»). То же слово «земля», сокращенно обозначенное буквой «земля», по-видимому, выпало в 168: «зегзицею (земли) незнаемъ рано кычать», как ука-

зывает аллитерирующее слово «зегзицею» и сходное сочетание 29 «земли незнаемѣ» (см. XXII).

Рукопись, найденная А. И. Мусиным-Пушкиным, на три с лишним века моложе самого «Слова», но едва ли отделена от первоначальной версии многими промежуточными списками. Текст «Слова» в общем мало пострадал от времени. Конечно, не обошлось без языковых и графических подновлений. В частности, второе югославянское влияние наложило свою печать на язык и правописание «Слова». За такими грамматическими новшествами, как например слияние возвратного местоимения с глаголами и вообще утрата энклитических местоимений,⁷ легко обнаружить старший слой (ср. 31, 74, 103, 168, 187, 199, 197).

Случаи ошибочной подстановки предлогов (143, 181) показывают отмирание беспредложных конструкций с дательным цели и местным падежом. Сочетание 186 «Комонь въ полуночи» явно искажено, но без труда может быть восстановлено: в стихах 30 и 184 тот же местный падеж «полуночи» появляется без предлога, но поскольку беспредложный оборот вышел из живого употребления, писец легко мог принять причастие «явь» за предлог «въ».

Неизбежные в позднем списке пропуски, нарушающие смысл, восполняются без труда. За перфектом 145 «И рекъ» (из «реклъ») подлежащее опущено, но «припевка» 146, а также параллельная конструкция 209 «Рекъ Боянь» с последующей «припевкой» 210 заставляют подставить и в первом случае имя того же песнотворца. В эпилоге «Слова» формула 218 «Княземъ слава, а дружинѣ» требует заключительного «честь», подсказанного сходным лозунгом чести для дружины и славы для князя в стихах 25 и 36, а также упоминанием славы и чести в конце варианта «Задонщины»: «честь есмь собѣ добыли и славного имяни. Конецъ» (Тверская летопись, 6888 г.). Так как стиху 6 с его несомненным пропуском соответствуют сходные пассажи и в «Слове о погибели Русской земли» и в начале «Задонщины», подстановка слов «зане же болевъ княземъ о земли Руской» приобретает значительную вероятность (XXI, стр. 60 и сл.).

К известным примерам галлографии, т. е. полного или частичного пропуска сходных смежных слогов — 41 «не было [о]н[о] обидѣ» и 196 «e[го] гоголемъ» — следует прибавить 144 («падъ» подъ чрълеными щиты» и 31 «подоб[олоч]ию» с пропуском второй пары «о» и смежных согласных, ср. параллельное чтение «Задонщины»: «под оболока» (XXI, стр. 65). Писец споткнулся об архаичное причастие в одном случае и об устарелую беспредложную конструкцию в другом. В предложении 144 «Княземъ на поганя погыбе», как было отмечено уже А. А. Потемной, явно недостает подлежащего, управляющего конструкцией «на поганя» (сочетание «усобица на поганя» невозможно). По-видимому, здесь выпало одно из трех слов с одинаковым начальным слогом: «на поганя побѣда погыбе».

Из двух созвучных слов одно может быть опущено; иногда же сходство уступает место тождеству. В Бояновой припевке 163 «Ни хытру, ни горазду, ни птицю горазду» писец, жертвуя рифмой и смыслом, нечаянно подставил повторное «горазду» — скорее всего взамен первоначального «горласту».

Конструкция 186 «князю Игорю не быть» требует, как подчеркнул Д. В. Айналов,⁸ второго дательного, превращенного писцом в аорист «кликну» под влиянием предшествующего «свисну» и дальнейшего 187

⁷ См. R Jakobson. Les enclitiques slaves. — Atti del III Congresso Intern. del Linguisti, Флоренция, 1935, стр. 387 и сл.

⁸ ТОДРА, т. IV М.—Л., Изд. АН СССР, стр. 151—158.

«стукну». Именная форма «кладнику» вполне подходит по значению, а по звукам наиболее близка к заменившему ее ляпсусу «кликну».

Диттографией, т. е. ошибочным повторением слога, легко объясняется чтение 157 «съ дудутокъ»: конъектура «съду токъ» подсказана фиктивностью имени «Дудutki», появлением метафорического «на тоуѣ» в том же стихе и наличием боевой формулы «дуть ток» в устной эпической традиции восточных славян.

Сравнение «темного места» с параллельными пассажами в том же памятнике позволяет исправить ошибочное чтение 47 «не шеломянемъ» на основании 32 «за шоломянемъ». В отрезке 209 «ходы на Святъславля» порча текста несомненна, но сочетание «-ына Святъславля» поддается расшифровке путем сопоставления с заглавными словами «сына Святъславля»: история последующих князей до «сына Святославля» включительно была предусмотрена вещим Бояном, когда он «рекль» или «първое рече», т. е. наперед поведал свою проникновенную припевку. «Слово о полку Игореве» цитирует три трагедии, предсказанные Бояном, — Всеславу (163), Изяславу (146) и Игореву (210). Ссылка в эпилоге «Слова» на последнее из этих пророчеств связывает песнотворца старого времени с Игоревым походом и как бы оправдывает обращение к Бояну в начале повествования. Естественно читать: «Рекъ Боянь и про сына Святославля». Графическая антиципация начала Бояновой речи — 210 «хоти» — ответственна за начальный слог абракадабры «ходына».

Привязанность автора «Слова» к глаголу «лелѣяти» и производным формам (23, 109, 175, 179, 180) оправдывает чтение «полелѣя» вместо невразумительного (64) «повелѣя».

Учет подражательных тирад «Задонщины» позволяет в отдельных случаях устранить порчу текста в «Слове». Пересвета, одного из героев «Задонщины», привели на судное (или суженое) место, лететь его главе на ковылу и лежать «на зелене ковыле» за обиду великого князя; в «Слове» соответственно приведен «на Суд» Борис Вячеславич, ему постлана «на канину зелену» погребальная пелена «за обиду храбра и млада князя», и «с тоя же Каялы» повезли его на похороны. Засим следует и в «Слове», и в «Задонщине» одинаковая картина общего запустения и массового кровопролития. Несомненно испорченным разночтениям «Слова» — бессмысленной «канине» и неуместной «Каяле» — противостоит явно правильный, как отметил уже Тихонравов, чтение «Задонщины» — повторный образ «ковылы», художественно мотивированный и к тому находящий себе подтверждение в стихе 176 «Слова». Сравнение формы 14 «ущекотал» в «Слове» и «вощекоталъ» в соответствующем месте «Задонщины» по списку Ундольского ведет к заключению, что это в «Слове» один из примеров диалектального изменения «въ-» > «у-»: прототип «въщекотати» с префиксом «въс-» параллелен форме 17 «въсѣйти».

Нетрудно восстановить две традиционные формулы, искаленные при переписке, — погребальную «нести сани» и боевую «даяти раны»: графическое сходство усугубляет вероятность замены полнозначного текста 99 «сани, и несоша я» невнятицей «саню, и не сошлаю» или привычного оборота «дая раны» невразумительным сочетанием 56 «кая раны». Естественно такие недосмотры писца, как смешение приставок в 51 «отступиша» вм. «оступиша» или принятие слога «во» с недописанным «о» за приставку «вс-» («въс-», согласно орфографии писца) в 31 «въсрожать».

В немногих случаях приходится довольствоваться более или менее правдоподобной догадкой. Вместо невозможного 130 «меча времени» чешские переводчики И. Юнгман и В. Ганка предложили читать «меча бремены», но эта конъектура не находит себе опоры в семантике церковно-

славянского «бремя» и русского «беремя», тогда как «метати камены» — ходовая воинская формула: соответствующий церковно-славянский перфективный оборот — «врещи камены», и не исключена возможность, что «времены» — контаминация обоих этих слов. Фраза 112 о нечестном пролитии поганой крови как предпосылке Игорева поражения звучит загадочно вопреки потугам комментаторов. В Ипатьевской летописи Игорь объясняет свое крушение небесным возмездием за бесчестное пролитие христианской крови; если тот же мотив выступал и в «Слове», переписчик, недоумевая, какую «кровь праведную» проливал отважный противник половцев, мог заменить ее «кровью поганою».

Наряду с единичными примерами метатезы букв (98 «босуви» вм. «бусови») в рукописи замечены случаи перестановки слов (61) и словосочетаний (103—105 и может быть 4—6).

Но критика текста «Слова», конечно, не сводится к правке мусин-пушкинского издания и сгоревшей мусин-пушкинской рукописи. Словарные и фразеологические единицы памятника и все его морфологические и синтаксические формы настоятельно требовали точной интерпретации. Их традиционный перевод «на употребляемое ныне наречие» во многих случаях существенно расходится с нашими нынешними познаниями в исторической лексике и грамматике русского языка.

Словарный и морфологический состав памятника окончательно выясняется. Мнимые парахы «Слова» один за другим обнаруживаются в других документах. Так, 196 «чаица» встретила нам в нижненемецком учебнике русского языка, написанном в Пскове на пороге XVII в.: близкую параллель к употреблению императива 30 «рци», в значении «точнее говоря», «точно» дает древний азбучный акrostих: «Пилату мя прѣдасте, рьцѣтя безаконикомь». Надежные сведения по древнерусской морфологии, которыми в настоящее время располагает наука, должны положить конец сомнениям и пререканиям вокруг таких исправных примеров аориста в «Слове», как 12 «съпала» и 34 «запала» от «палати», 183 «съпряже» от «съпрячи» (глагола сродного и однозначного с формой «съпряжити»), 197 «ростьре» от «ростерети», 136 «утьрпе» — первичное образование от «утьрпнути» и 6 «истягну» — вторичное образование от «истягнути». Из инвентаризации форм вытекает дальнейшая задача — настоятельная необходимость различить и определить их значения, в частности семантическую нагрузку разнообразных глагольных категорий, присущих языку этого и других литературных произведений Киевской Руси. Так, например, нередкий в «Слове» аорист глаголов несовершенного вида давал повод к недоразумениям, пока не было понято его основное значение — полное развитие действия.

Ничто не противоречит задачам герменевтики более, чем механически буквальный, дословный перевод. Для передачи грамматических средств древнерусского языка нередко приходится в современной речи прибегать к средствам лексическим. Некоторые слова памятника точнее всего переводятся словосочетаниями (12 «похоть» — «пылкое или страстное желание») и обратно — прежнему словосочетанию может в нашем языке соответствовать одно слово (99 «дебрьски сани» — «дровни»).

В интерпретации и переводе «Слова» наш семинарий особенно стремился положить конец ходовым отождествлениям древних синтаксических, морфологических и словарных единиц с современными русскими формами и словами, внешне одинаковыми, но несходными по значению. Например, сохраняя порядок слов подлинника, переводчик тем самым может исказить текст, потому что место слов в некоторых сочетаниях значительно изменило свою функцию. В современном русском языке по сравнению с языком

XII в. пропуск и наличие номинативной формы личных местоимений в предложении обменялись функциями.

Упустив из виду ретроспективный характер древнерусского перфекта и отождествив эту форму с ее отпрыском — прошедшим временем нынешней русской речи, интерпретаторы, естественно, не заметили, что в «Слове» Боян представлен воистину вещим песнотворцем, предвосхищавшим события в своих «припевках», и в результате этого пробела датировка его легендарной деятельности вызвала непреодолимые трудности, приводившие в недоумение уже первых издателей «Слова». Точно так же непонятными казались слова 152 «бѣше насиліе... на седмьмъ вѣщѣ», поскольку забывалось, что в древнерусском языке «век» означал не столетие, а тысячелетие.

Глубокая связь «Слова» с византийской письменностью, подмеченная Всеволодом Миллером и А. Н. Веселовским, требовала новых разысканий (см. VIIIл, X, XXI). Согласно византийской эсхатологической литературе, которую на славянском востоке усердно переводили и цитировали, «седьмой век», т. е. седьмое тысячелетие с сотворения мира, воспринимался как эпоха небывалых насилий и катастроф, за которой наступит светопреставление. Особенно пугало книжников седьмое столетие седьмого тысячелетия, «седморичное седмвремя», и на его пороге — в 6600—6604 гг. (1092—1096) — «Повесть временных лет» полна эсхатологических намеков, летописец широко цитирует и парафразирует «Откровение» Мефодия Патарского и сквозь призму этих пророчеств воспринимает злостные бедствия. Поход Игоря в 6693 (1185) г., т. е. за семь лет до конца седьмого столетия, вторично вызывает реминисценции из Мефодия как в рассказе, вошедшем в Ипатьевскую летопись, так и в «Слове». Символика «Откровения» и других эсхатологических писаний воспроизведена в «Слове» и, в частности, дает ключ к его образам пустыни, покрывшей силу (75), девы Обиды и плеска лебязьих крыльев, пробудившего смуту (76) и вслед за смутой победоносные набеги поганых (77—78). Как сложен литературный фон «Слова», свидетельствует, например, греческая фраза заглавного героя в одной из версий Александрии: «То, что здесь, и то, что там, все мое», повторенная почти дословно в том же пассаже «Слова» (77).⁹

Экзегеза приступа к «Слову» в свою очередь выигрывает от сопоставления с двумя прологами — одним к Хронике Манассии и другим к Троянской повести, вставленной в ту же Хронику. Наиболее тесно начальные строки «Слова» примыкают ко второму прологу: повторены все его мотивы, и место волшебного Гомера занято вещим Бояном.

Главная трудность «Слова» лежит отнюдь не в лексике и не в грамматике, а в его стилистическом многообразии. Причудливая игра на цепи сходств и контрастов, на смежности и дальности в пространстве и времени, сплетение настоящего с прошлым и будущим, историзма с предзнаменованиями, острое сочетание различных литературных жанров, приемы загадок, сжатый намек взамен повествования, заведомая разнородность языковых средств — все это роднит поэтику «Слова» с другими характерными произведениями затрудненного, сокровенного, притчно-иносказательного стиля, овладевшего на исходе XII и в начале XIII в. поэзией русской и западной, скандинавской и провансальской, кельтской и немецкой, греческой и латинской. Подобно «Молению Даниила Заточника» и «Слову о Лазаре в аду», «трудная повесть» о полку Игореве требует от интер-

⁹ H Grégoire La Geste du Prince Igor — Bulletin de la classe morale et politique de l'Académie Royale de Belgique, 1948, стр 150 и сл

претатора напряженного внимания к художественной специфике памятника и эпохи.

В этой поэзии нарочитых контрастов переплетаются иностранные и туземные корни и книжность великолепно уживается с фольклором. Комментаторы «Слова», в особенности Варвара Павловна Адрианова-Перетц, неоднократно указывали на его связь с устной поэтической традицией. Последовательно сопоставив и разобрав фрагменты легендарной истории князя-оборотня Всеслава, вошедшие в «Слово», в «Повесть временных лет» и в былинку о Волхве Всеславьевиче, мы попытались восстановить лежащий в их основе устный эпос о полоцком князе XI века и далее вскрыть его первоначальное мифологическое ядро (XIб, XVII). За полоцким эпосом и параллельным сербским циклом песен о Змее Огненном Волке, деспоте XV в., вырисовывается сказание о герое сверхъестественного происхождения, наделенном волшебной силой: поочередно и нераздельно князь и волк, победитель и беглец, чудотворный удачник и страдалец. На этом фоне «загадочные символы» и непонятные обороты рассказа про Всеслава в «Слове о полку Игореве» поддаются полной расшифровке, включая оба предикативных творительных падежа 159 «княземъ — влъкомъ» и синтетический образ волкодака: 161 «аще и вѣща душа в друзѣ телѣ, нѣ часто бѣднѣ страдаша». Прежние предположения о сильной порче текста в данном пассаже теряют основание.

Повествование о князе-оборотне вводит нас в круг мифологических образов «Слова». Контрастное сочетание христианских элементов с языческими характерно и для «Слова» и для скальдов именно той же второй половины XII в.; одновременно сказываются схожие тенденции в письменности романского мира и Византии. Как в «Слове» (Див), так и в западной литературе того же времени продолжали жить языческие демоны, а боги выступали в роли человеческих предков и небесных светил (XXI, стр. 57). В XII в. дохристианские воспоминания были достаточно свежи в народной жизни Киевской Руси, чтобы подлинные пережитки старых верований могли просочиться в символику «Слова». Начатая дискуссия о языческих элементах «Слова» будет нами использована в монографии о славянских богах и демонах, публикуемой в серии славистических трудов Американской академии искусств и наук. Экзегеза «Слова» нуждается в раскрытии мифологических намеков и в правильной интерпретации его культовых имен и терминов.

Из многослойной лексики «Слова» наиболее подробному разбору подвергнуты элементы, проникшие в древнерусскую речь из алтайских языков или по крайней мере через их посредство: подведен критический итог прежним исследованиям, и дан ряд новых убедительных этимологий (XIX). В круг этих заимствований вошли половецкие личные имена (Влур, Кза, Кобяк, Кончак, Шарокан), названия тюркских и смежных племен («Половцы» и калька «поле Половецкое», «Олберы», «Ревуги», «Татраны» (?), «Топчаки», «Шелбиры», калька «Толковины» в соответствии с тюркскими «талмач» и «тивер», далее дагестанские «Авары» и «Хинова» — имя гуннов в применении к венграм), названия рек и городов (Псловецкой земли Каяла, Сула, Корсунь, Сурож, Тмутаракань) и термины, живописующие в «Слове» половецкий быт и фон («ортма», «япончица», «телѣга», «хоругвь», «чолка» (?), «сабля», «чага», «кощей», «болван», «яруга» и предположительно «ковыль»). Единичные восточные слова появляются в памятнике и вне непосредственной связи с миром кочевников — титулы (боярин, быля, каган), ювелирный термин китайского происхождения (жемчуг) и цветовой эпитет (бусов). Огненный снаряд «шерешир» скорее всего контаминирует половецкое название горючей жидкости

siriš, заимствованное из персидского, с русской формой «шерешер» — удвоенным звукоподражательным корнем, альтернирующим с «хорохор». Западное происхождение и значение термина «харалуг» — «фряжская сталь» можно отныне считать окончательно установленным взамен лингвистически и археологически сомнительной гипотезы о связи этого слова с тюркским корнем «qага».¹⁰

Монография колумбийского тюрколога (XIX) наряду с работой его польского коллеги¹¹ убедительно вскрыла глубокую древность алтайского слоя в лексике «Слова». Из восточных элементов этой лексики наиболее поучительным для историко-литературной интерпретации «Слова» является имя «Боян». Знакомое средневековому обиходу восточных, западных и южных славян, оно восходит к древнему алтайскому нарицательному имени, принимавшему на себя также роль имени собственного и означавшему барда, вещуна, волшебника, оборотня (XIX). Этот облик унаследован вешим Бояном «Слова» и созвучной легендой о сыне Симеона Болгарского, маге, «способном превращаться в волка и других зверей»: запись Лиутпранда именует его Баяном, а другие источники Вениамином, и это имя традиционная библейская ассоциация связывает опять-таки с волком (ср. VIIIл и XIб).

Основным результатом разносторонней работы над интерпретацией «Слова» были критическое издание памятника (VIIIб) с обстоятельным филологическим (а, г, л) и историческим (д, к) аппаратом, попытка реконструкции первоначального текста (е), нашедшая себе продолжение в труде люблянского слависта Нахтигала,¹² и, наконец, перевод древнерусского произведения на французский, английский и современный русский языки в соответствии с новейшей экзегезой «Слова» (в, ж, з). В том же направлении участник нью-йоркского семинария поэт Юлиан Тувим радикально переработал свой прежний польский стихотворный перевод «Слова» (и). Ценный вклад Калифорнийского университета в работу над «Словом», его испанский перевод (XIV), в свою очередь примыкает к нью-йоркскому коллективному опыту, тогда как труд гарвардских славистов — критический текст с итальянским переводом в туринском издании (XXIX) — отражает дальнейший этап американских занятий «Словом». В нью-йоркском издательстве «Пантеон» готовится к печати коллективный труд — критический текст «Слова», поздний и первоначальный, с английским художественным переводом и обширными комментариями, подводящими итоги новейшим исследованиям о языке и стиле «трудной повести», о ее историческом фоне, связях с отечественной и международной письменностью, с устной традицией и древнерусским изобразительным искусством и, наконец, об отголосках «Слова» в позднейших русских литературных памятниках.¹³

Существенным подспорьем для решения таких вопросов служат две публикации, подготовленные отделом славянских языков и литературы в Гарвардском университете. В первом из этих начинаний группа гарвардских работников, идя по пути, намеченному в пытливых статьях В. П. Адриановой-Перетц и Д. С. Лихачева, и строго применяя приемы

¹⁰ Помимо VIIIд, л и XIX, см. уточняющие соображения В. Кипарского в «Neuphilologische Mitteilungen» (L, 1949, стр. 45—47) и археологическую аргументацию В. Арента (Сборник статей к сорокалетию ученой деятельности акад. А. С. Орлова, Л., 1934, стр. 175—189).

¹¹ А. Zajączkowski. Związki językowe połowiecko-słowiańskie. — Prace Wrocławskiego Towarzystwa Naukowego, A, № 34, 1949.

¹² R. Nahtigal. Staroruski ep Slovo o polku Igorevě. Любляна, 1954.

¹³ Новейшую стадию наших работ над «Словом» отражает перевод, который помещен в конце статьи (стр. 114—119).

филологической критики, шаг за шагом сравнивает все варианты и отрывки «Задонщины», определяет их преемственную связь и стремится с наибольшей точностью восстановить первоначальный текст «Слова» Софония Рязанца, включая его акцентуацию, которая нас приближает — в пределах двух с небольшим веков — к ударениям «Слова о полку Игоре»е». В связи с этим сравнительным исследованием и с пристальным разбором вступления к «Задонщине» в новом свете встают вопросы зависимости повести о победе на Непрядве от «Слова» о поражении на Каяле. Во-вторых, намечен к изданию подробный разбор лексики «Слова» с богатым сравнительным словарным материалом из «Задонщины» и прочих старорусских памятников. Любопытно, что в «Задонщине» нет архаичных словарных элементов, которых бы не было в «Слове», тогда как в «Слове» немало лексических архаизмов, которые отсутствуют в «Задонщине».

С критической работой над текстом «Слова» связаны и разыскания о подготовке издания 1800 г., в частности наблюдения над филиацией сделанных с мусин-пушкинской рукописи переводов и цитат из них (XXX), а также разбор ускользнувшей от исследователей черновой версии первого издания (XX): этот черновой вариант, приобретенный библиотекой Гарвардского университета, был подробно сличен со стандартными экземплярами первого издания, ныне принадлежащими тому же университету и библиотеке Конгресса, а также сопоставлен с промежуточной версией, описанной Н. Н. Зарубиным.¹⁴

Всесторонний анализ поэтики «Слова» — такова очередная задача, выдвинутая гарвардскими славистами. Пока только первые опыты в этом направлении увидели свет. Так, звуковые повторы в нашем памятнике еще ждут систематического обследования, но уже сделаны ценные указания на сходную аллитерационную технику «Слова о полку Игоре»е» и эпических фрагментов в «Повести временных лет» (XIд). Следует, однако, отметить, что древнерусское ударение падало на слог высокого (восходящего) тона, а при отсутствии высокотонного слога — на начальный слог слова: поскольку же склонность к начальному ударению благоприятствует развитию аллитерации, нет надобности прибегать к германскому влиянию, чтобы объяснить древнерусскую аллитерацию.

По изощренной сложности семантика и композиция «Слова» могут поспорить с его звукописью и ритмикой. Конспект трактата Георгия Херобоска о тропах и фигурах, переведенный с греческого на церковно-славянский язык, попал в XI в. из Болгарии в Киев и вошел в древнерусский литературный обиход. При всей новизне поэтических веяний на склоне XII в. все же традиционная византийско-славянская литературная учеба, видимо, дает наилучший ключ для понимания многообразной и многоплановой символики «Слова». Например, его характерные инверсии во временной последовательности событий, нередко смущавшие комментаторов, точно соответствуют учению Херобоска о фигуре «последословия». Попытка расследовать образы «Слова» в свете этой традиции (XXXV) — одна из немногих осуществленных глав будущей истории древнерусского словесного мастерства.

Под конец «на преднее возвратимся»: мы остались верны завету покойного А. С. Орлова. И невольно вспоминается заключительный кадр из старого фильма «Турксиб». С двух сторон прорубившись сквозь толщу горных пород, работники встречаются и протягивают друг другу руку.

¹⁴ Сборник статей к сорокалетию ученой деятельности акад. А. С. Орлова, стр. 523—527.

**Библиография работ по «Слову о полку Игореве»
(1943—1956)¹⁵**

- I. Г. Вернадский. Слово о полку Игореве в историческом отношении. — Новоселье, № 3, Нью-Йорк, 1943, стр. 53—56.
Первоначальная версия работы VIIIк.
- II. В. G. Guerneу, The Lay of the Host of Igor, son of Svyatoslav, grandson of Oleg, — Treasury of Russian Literature, Нью-Йорк, 1943, стр. 5—33.
Стихотворный перевод «Слова» на английский язык.
- III. L'Institut de Philologie et d'Histoire Orientales et Slaves (Chronique), Annuaire de l'Institut de Philologie et d'Histoire Orientales et Slaves, Université Libre de Bruxelles, VII: 1939—1944. Нью-Йорк, 1944.
Стр. 483, 485, 490 и сл.: лекции и семинарии по «Слову».
- IV. Р. Якобсон. Слово о полку Игореве. Новоселье, № 14—15. Нью-Йорк, 1944, стр. 46—62.
Вступление и первоначальная версия перевода «Слова» на современный русский язык; ср. VIII.
- V. H. Grégoire, La Geste d'Igor. Renaissance, II—III. Нью-Йорк, 1945, стр. 83—110.
Вступление и первоначальная версия перевода «Слова» на французский язык; ср. VIIIв.
- VI. G. P. Fedotov. The Russian Religious Mind-Kievan. Christianity. Кэмбридж, Масс., 1946, гл. XI: The Tale of Igor's Campaign, стр. 315—343.
Мифическое и магическое мирозерцание поэта, трагический пафос поэмы; христианские нотки в ее этике.
- VII. В. А. Рязановский. Обзор русской культуры, I. Нью-Йорк, 1947, стр. 112—117.
«Слово» как один из величайших памятников мировой средневековой литературы.
- VIII. La Geste du Prince Igor—épopée russe du douzième siècle (texte établi, traduit et commenté sous la direction d'H. Grégoire, R. Jakobson et M. Szeftel, assistés de J. A. Joffe). — Annuaire de l'Institut de Philologie et d'Histoire Orientales et Slaves, Ecole Libre des Hautes Etudes à New York, Université Libre de Bruxelles, VIII: 1945—1947. Нью-Йорк, 1948, 383 стр. с предисловием, послесловием и указателями.
- a. R. Jakobson. Quelques remarques sur l'édition critique du Slovo, sur sa traduction en langues modernes et sur la reconstruction du texte primitif.
 - б. R. J. Edition critique du Slovo.
 - в. H. Grégoire. Traduction française du Slovo.
 - г. R. J. Altérations du texte et leur corrections.
 - д. M. Szeftel. Commentaire historique au texte du Slovo.
 - е. R. J. Essai de reconstruction du Slovo dans sa langue originale.
 - ж. S. H. Gross. Traduction anglaise du Slovo.
 - з. R. J. Traduction du Slovo en russe moderne.

¹⁵ Сюда вошли книги, статьи и рецензии: а) написанные в США, где бы они ни были напечатаны, и б) опубликованные в США, где бы они ни были написаны. Аннотация опущена в тех случаях, когда содержание работы было отмечено непосредственно в нашей статье.

- и. I. Tuwim. Traduction polonaise du Slovo.
 к. G. Vernadsky. La Geste d'Igor au point de vue historique.
 л. R. J. L'authenticité du Slovo.
 м. R. J. Note supplémentaire.

Рец.:

В. Александрова. — Новое Русское Слово, Нью-Йорк, 21 марта 1948 г., стр. 8; F. J. Whitfield. — Bulletin of the American Association of Teachers of Slavic and East European Languages, V, 15 июня 1948 г., стр. 107; R. Wellek. — Modern Language Notes, 1948, стр. 502—503; M. Schlauch. — The American Slavic and East European Review, VII, 1948, стр. 289—292; P. L. Garvin. — Language, XXIV, 1948, стр. 321—323; Г. Федотов. — Новый журнал, XX, Нью-Йорк, 1949, стр. 301—304; H. Reuge. — La République Française, V, Нью-Йорк, 1949, стр. 367—369; Ю. Сазонова. — Новоселье, № 30—41, Париж—Нью-Йорк, стр. 150—163; K. Menges. — Journal of the American Oriental Society, 1949, стр. 43—45; A. von Gronicka. — Comparative Literature, I, 1949, стр. 79—82; A. B. Lord. — Journal of American Folklore, LXII, 1949, стр. 201—203; E. L. Tartak. — The Russian Review, VIII, 1949, стр. 230—233; С. Г[ординський] — Свобода, Джерси Сити, 16 июня 1949 г., стр. 2; Д. Вергун. — Світ, Пенсильвания, 29 сентября 1949 г., стр. 4; С. Гординский. — Київ, I, Филадельфия, 1950.¹⁶

- IX. G. Vernadsky. *Kievan Russia*. New Haven, 1948, стр. 23, 77, 84 и сл., 221 и сл., 274 и сл.

Замечания о «Слове» как историческом источнике и поэтическом памятнике.

- X. A. Stender-Petersen. *The Igor Tale*. Word, IV, Нью-Йорк, 1948, стр. 143—154.

Подробный обзор дискуссии о «Слове», вызванной работами Мазона, согласно с тезисами VIII о подлинности и литературных связях «Слова» и обсуждение отдельных конъектур.

- XI. *Russian Epic Studies* (edited by R. Jakobson and E. J. Simmons). *Memoirs of the American Folklore Society*, XLII, (Филадельфия, 1949), 224 стр.

- а. E. J. Simmons. Introduction.
 б. R. Jakobson and M. Szeftel. *The Vaeslav Epos*.
 в. С. А. Mapping. *Classical Influences on the Slovo*. Поиски древнегреческих параллелей к отдельным образам «Слова».
 г. Margaret Schlauch. *Scandinavian Influence on the Slovo?*
 Скучность соответствий между «Словом» и поэзией скальдов.
 д. D. Cizevsky. *On Alliteration in Ancient Russian Epic Literature*.
 е. H. Grégoire. *Le Digénis russe*.
 Текст Девгениева деяния, соседивший в мусин-пушкинском сборнике со «Словом», более архаичен, чем прочие варианты Деяния.
 ж. M. Kridl. *The First Polish Translation of the Slovo*.
 Разбор перевода К. Годабского.
 з. A. von Gronicka. *Rainer Maria Rilke's Translation of the Slovo*.
 Издание и разбор перевода «Слова» немецкой прозой, найденного среди бумаг поэта.
 и. A. Yarmolinsky. *The Slovo in English*.
 Исторический обзор и библиография литературы по «Слову» на английском языке.

Рец.:

A. Stender-Petersen. — *The American Slavic and East European Review*, IX, 1950, стр. 225—227.

- XII. С. Гординський. Слово о полку Игореві — героїчний епос XII віку. Ілюстрації Я. Гніздовського. Филадельфия, 1950. 91 стр.

¹⁶ Из двадцати европейских рецензий первые тринадцать перечислены в XII, стр. 223.

Текст «Слова» и два украинских перевода — стихотворный и прозаический; отрывки «Слова» в прежних украинских стихотворных переводах; плач Ярославны в переводе на девять языков; комментарии и примечания.

- XIII. S. Hordynsky. The poetic and political aspects of «The Tale of Igor's Campaign». — The Ukrainian Quarterly, V, 1949, стр. 20—28.

Связь «Слова» с украинской устной традицией и тематикой.

- XIV. Yakov Malkiel y Maria Rosa Lida de Malkiel, El Cantar de la huesta de Igor. — Sur, № 176, Буэнос-Айрес, 1949, стр. 43—64.

Испанский перевод со сжатым вступлением и примечаниями.

- XV. N. K. Gudzy. History of Early Russian Literature. Нью-Йорк, 1949, The Tale of Igor's Expedition: стр. 149—181; Tales of the Rout of Мамай: стр. 244—253.

Вступительные замечания Г. Струве, стр. IX, XI и сл. рекомендуют занять «промежуточную точку зрения» между взглядами Гудзия и Мазона на «Слово».

- XVI. D. S. Mirsky. A History of Russian Literature, edited by F. J. Whitfield. Нью-Йорк, 1949, стр. 13—16: The campaign of Igor and its family.

Автор «Слова» — величайший представитель орнаментального, символического слога в русской поэзии, характерного для ряда русских памятников XII—XIII вв.

- XVII. R. Jakobson and G. Ružičić. The Serbian Zmaj Ognjeni Vuk and the Russian Vseslav epos. — Annuaire de l'Institut de Philologie et d'Histoire Orientales et Slaves, X, Брюссель, 1950, стр. 343—355.

- XVIII. Г. Голохвастов. Слово о полку Игореве. Рисунки М. Добужинского. Нью-Йорк, 1951. 78+XVI стр.

Стихотворный перевод на современный русский язык с примечаниями.

- XIX. K. H. Menges. The oriental elements in the vocabulary of the oldest Russian epos, the Igor' Tale. — Supplement to the Word, VII, Нью-Йорк, 1951. VI + 98 стр.

Предисловие Р. Якобсона; указатели

- XX. R. Jakobson. The archetype of the first edition of the Igor Tale. — Harvard Library Bulletin, VI, Кэмбридж, Масс., 1952, стр. 5—13; W. A. Jackson, Appendix (палеографическая заметка); стр. 14; 2 фотографии.

- XXI. R. Jakobson. The puzzles of the Igor' Tale in the 150th anniversary of its first edition. — Speculum, XXVII, Кэмбридж, Масс., 1952, стр. 43—66.

- XXII. I. Ševčenko. «To the unknown land»: a proposed emendation of the text of the Igor' Tale, Slavic Word, I, стр. 52—55 = Word, VIII, Нью-Йорк, 1952, стр. 356—359.

- XXIII. D. Čiževskij, рец. на книгу В. Чапленко. Мова «Слова о полку Игореві». Виннипег, 1950. — Slavic Word, I, стр. 100—101 = Word, VIII, Нью-Йорк, 1952, стр. 404—405.

Дилетантизм работы В. Чапленко.

- XXIV. D. Čiževskij. Outline of comparative Slavic literatures. — Survey of Slavic civilization, American Academy of Arts and Sciences, I, Boston, 1952, стр. 30 и сл.

Орнаментальность и символизм «Слова».

XXV. С. Гординський. Критика ювілейного видання «Слова о полку Ігореві». — Київ, III, Філадельфія, 1952, стр. 32—37.

Защита интерпретации «Слова» в XIII.

XXVI. С. Гординський. Історія одного слова — про одне темне місце «Слова о полку Ігореві». — Київ, III, 1952, стр. 111—115.

Попытка связать по значению «потрепати» в 83 с украинским «трепітка» (подвеска).

XXVII. A. Solov'ev. New Traces of the Igor Tale in Old Russian literature. — Harvard Slavic Studies, I, Кембридж, Масс., 1953, стр. 73—81.

Влияние «Слова» на эпитеты курян и Днепра в житии Ярослава III.

XXVIII. E. Stankiewicz. American responses to the Igor Tale: review of an exhibit at Harvard University, 1952. — The American Slavic and East European Review, XII, Нью-Йорк, 1953, стр. 424—426.

Описание выставки «Слово о полку Ігореве» в библиотеке Гарвардского университета: черновой и окончательный варианты первого издания; ранние заграничные отзывы о «Слове»; европейская и американская литература о «Слове»; его переводы; художественные издания русские и западные; оригинальные иллюстрации Стеллецкого, Рериха и Добужинского; опера Бородина, его автограф, американские постановки; нью-йоркский галстук «Князь Игорь».

XXIX. Cantare della gesta di Igor: introduzione, traduzione e commento di R. Poggiosi; testo critico annotato di R. Jakobson. Турин, 1954. 240 стр.
Рец.

E. Stankiewicz. Slavic Word, IV = Word, XII, 1956, стр. 638—641.

XXX. «Слово о полку Ігореве» в переводах конца восемнадцатого века. — Studies in Russian Epic Tradition published under the auspices of the Department of Slavic Languages and Literatures, Harvard University, I, Лейден, 1954. VIII + 52 стр., с тремя репродукциями:

а. А. В. Соловьев. Екатерининский список и первое издание «Слова».

б. Р. О. Якобсон. Тетрадь князя Белосельского.

XXXI. H. Paszkiewicz. The origin of Russia. New York, 1954, Appendix 2, The Tale of the raid of Igor: стр. 336—353.

Потуги доказать подложность «Слова» мнимыми отступлениями его политической идеологии от древнерусских памятников.

Рец.

G. Vernadsky. — Speculum, XXX (1955), стр. 295; R. Jakobson. — The American Historical Review, LXI, 1955, стр. 107.

XXXII. С. Тарасов. Возможный автор «Слова о полку Ігореве». — Новый журнал, XXXIX, Нью-Йорк, 1954, стр. 155—175.

Догадка о Кочкаре, советнике Святослава, как возможном авторе «Слова».

XXXIII. D. Čyževský. Lexikalisches I. — Zeitschrift für slavische Philologie, XXII, 1954, стр. 339—351.

Реликт ритуальных формул типа «изломо копие»; летописные примеры, подтверждающие значение «слава-похваляба» в 62; старочешские параллели к термину «претрѣгоста» в 191; термин «вазь» в 156 и других древнерусских текстах; идеализация русской старины в «Слове» и прочих свидетельствах той же эпохи.

XXXIV. Ю. Сазонова. История русской литературы. Древний период. Нью-Йорк, 1955, т. I, гл. XII — «Слово о полку Игореве» стр. 346—392; т. II, гл. II. — «Сказание о Куликовской битве», стр. 32—59.

История открытия и изучения «Слова», его содержание, форма и влияние на «Задонщину».

Рец.

D. Čiževsky. — The American Slavic and East European Review, XIV, 1955, стр. 566.

XXXV. Justina Besharova. Imagery of the Igor' Tale in the light of Byzantino-Slavic poetic theory. — Studies in Russian Epic Tradition, II, Лейден, 1956. XII + 115 стр., с указателями.

Рец.

Stankiewicz, Slavic Word, IV = Word, XIII, 1956, стр. 641—644.

XXXVI. F. Dvornik. The Slavs, their early history and civilization. — Survey of Slavic Civilization, II, Бостон, 1956, стр. 237 и сл.

Окончателъность доказательств подлинности «Слова».

XXXVII. D. Čiževsky. Yaroslav the Wise in East Slavic epic poetry. — Journal of American Folklore, LXIX, 1956, стр. 201—215.

Примеры из «Слова» в числе прочих поэтических отражений эпохи Ярослава.

XXXVIII. G. Vernadsky and Džabulat Dzanty. The Ossetian Tale of Iry Dada and Mstislav. — Journal of American Folklore, LXIX, 1956, стр. 216—235.

Розыски воспоминаний о Мстиславе и Редее в осетинской эпической традиции.

XXXIX. Д. Чижевський. Історія української літератури. Нью-Йорк, 1956, стр. 181—198.

Беглый обзор стилистических особенностей «Слова».

Перевод «Слова о полку Игореве» на современный русский язык¹⁷

1. Не пристаю ли нам, братья, начать на старинный лад тяжкие рассказы про поход Игорев, Игоря Святославича?
2. Пускай же эта песня начнется вслед былям этого времени, а не по затее Бояновой.
3. Ведь Боян вещей, когда он задумывал сложить кому песню, разлетался мыслью по древу, серым волком по земле, сизым орлом под облаками.
4. Ведь он, вспоминая — как сам поведал — распри минувших времен, пускал десять соколов на стадо лебедей, и которую из них настигнет, та первую запевала песню.
5. А по правде, братья, не десять соколов на стадо лебедей напускал Боян, но свои вещи персты возлагал он на живые струны, и те сами рокотали славу князьям — старому Ярославу, храброму Мстиславу, что зарезал Редеею перед Черкесскими полками, прекрасному Роману Святославичу.
6. Мы же, братья, приступим к своему рассказу, оттого что о Русской земле печаловались князья от старого Владимира и до нынешнего Игоря, который искусил ум своею крепостью и отточил свое сердце мужеством.
7. Исполнившись ратного духа, он двинул свои храбрые полки против земли Половецкой за землю Русскую.

¹⁷ Имена лиц и сверхъестественных существ, имена географические и племенные, а также образованные от них прилагательные одинаково выделены прописной буквой.

8. И вот Игорь возвел глаза к светлому солнцу и увидел все свое войско покрытым от него тьмою.
9. И сказал Игорь дружине своей:
10. «Братья и дружина! Уж лучше иссеченным быть, чем в плен достаться.
11. «Сядем же, братья, на своих борзых коней, чтобы повидать нам синий Дон!»
12. Сгорал у князя разум в пылом желании, и было ему знамение заслонено страстью отведать Дона Великого.
13. «Преломлю копьё, — сказал он, — с вами, сыны Русские, в конце поля Половецкого. Либо голову сложу, либо шлемом напысь из Дона».
14. О Боян, соловей старого времени! Кабы ты своим щекотом воспел эти полки, порхая, соловушко, по мысленному древу, летая умом под облаками, свивая славы вокруг этого времени, рыская по следу Троянскому через поля на горы.
15. Это его внуку подобало петь песню во славу Игоря:
16. «То не бурей занесло соколов за поля широкие, и стаями убегают галки к Дону Великому...»
17. Или же, вещий Боян, Велесов внук, так бы запеть:
18. Кони ржут за Сулою — звенит слава в Киеве; трубы трубят в Новгороде — стоят стяги в Путивле; Игорь ждет брата милого Всеволода.
19. И сказал ему буйный тур Всеволод:
20. «Один брат, один свет светлый — ты, Игорь: обы мы — Святославичи!
21. «Седлай, брат, своих борзых коней!
22. «А мой-то готовы, — под Курском наперед уже оседланы.
23. «А мой-то Куряне — именитые витязи: под трубами повиты, под шлемами укачены, с конца копья вскормлены.
24. «Дороги им ведомы, овраги им знакомы, луки у них натянуты, колчаны отворены, сабли наточены.
25. «Сами они носят, словно серые волки в поле, — ищут себе чести, а князю славы».
26. И вот Игорь князь вступил в золотое стремя и поехал по чистому полю.
27. Солнце ему тьмою путь застидало.
28. Ночь, стонучи над ним грозой, пах пробудила, а свист звериный сгрудил их сотнями.
29. Див кличет с вершины дерев: велит прислушаться земле неведомой — Волге и Поморью, и Посулью, и Сурожу, и Корсуню, и тебе Тмутараканское идолище!
30. А Половцы нетореными дорогами побежали к Дону Великому, — кричат телеги в полуночи, словно разогнанные лебеди: Игорь к Дону бойцов ведет!
31. И уже перед его бедою пахи хоронятся под облака; грозу навивают волки по оврагам; орлы клекотом сзывают зверей на кости; лисицы брешут на алые щиты.
32. О, Русская земля, ты уже за горою!
33. Долго в ночи потухала заря.
34. Рассвет забрезжил — над полями еще стелился туман.
35. Щекот соловьев уснул, пробудив гомон галок.
36. Русские сыны перегородили широкие поля алыми щитами — ищут себе чести, а князю славы.
37. В пятницу спозаранку они смяли поганые полки Половецкие и рассыпались стрелами по полю, умыкая красных девок Половецких, а с ними золото, паволоки и дорогие атласы.
38. Бурками, епанчами и кожухами они стали мосты мостить по болотам и топям — словом, всякими уборами Половецкими.
39. Алый стяг и белая хоругвь, алая чолка и серебряная рукоять — доблестному Святославичу!
40. Дремлет в поле Олегово храброе гнездо: далеко залетело.
41. Не было оно порождено в обиду ни соколу, ни кречету, ни тебе, черный ворон, поганый Половец!
42. Газ бежит серым волком. Кончак ему след пролагает к Дону Великому.
43. На другой день ранехонько кровавые зори возвещают рассвет.
44. С моря идут черные тучи; четыре светила хотяя они прикрыть, и трепещут в них синие молнии.
45. Быть грому великому! Идти дождю стрелами с Дона Великого.
46. Тут копьям поизломаться, тут саблям пощербиться о шлемы Половецкие на реке Каялы, близ Дона Великого.
47. О, Русская земля, ты уже за горою!
48. Это ветры, Стрибоговы внуки, веют с моря стрелами на храбрые полки Игоревы.
49. Земля гудит, реки мутно текут, пыль широко покрывает поля.
50. Стяги вестят: Половцы идут от Дона и от моря!
51. И со всех сторон они обступили Русские полки.
52. Дети Бесовы гиком перегородили поля, а храбрые Русские сыны перегородили их алыми щитами.

53. Ярый тур Всеволод, ты стоишь на страже, брызжешь на воинов стрелами, гремишь о шлемы мечами Фряжской стали!
54. Где тур промчался, посвечивая своим золотым шлемом, там лежат поганые головы Половецкие.
55. Посечены саблями калеными шлемы Аварские от твоей руки, ярый тур Всеволод!
56. Пораждала он удары, дорогие братья, забыв о почестях и богатстве, о Чернигове-граде, отчем златом престоле, и о любви и ласке своей милой зазнобы — пригожей Глебовны.
57. Были сечи Троянские, миновали годы Ярославовы; были рати Олеговы, Олега Святославича.
58. Тот Олег мечом крамолу ковал и стрелы по земле сеял.
59. Ступает, бывало, в златое стремя в граде Тмутаракани.
60. (Встарину тот же самый звон слышал и внял великий Ярослав).
61. Но Всеволод сын Владимир что ни утро в Чернигове знай зажимает уши.
62. Бориса же Вячеславича слава-похвальба на Суд завела и на зелень ковьяла погребальную пелену ему постала за обиду Олегу, смелому и молодому князю.
63. С того же ковьяла, укачивая отца своего промеж Угорских иноходцев, снарядил его Святополк к Киеву, ко святой Софии.
64. Тогда при Олеге Гориславиче засевалось и цвело усобицами, гибло добро Дажбогова внука, в княжеских раздорах поубавился век людской.
65. Тогда по Русской земле редко гаркали пахари, но часто каркали вороны, деля между собою трупы, а галки по-своему гомонили: собираются, мол, лететь на поживу.
66. Так было в те бои и в те походы, но такого боя не слыхивано: с раннего утра до вечера, с вечера до рассвета летят стрелы каленые, гремят сабли о шлемы, трещат копыя Фряжские.
67. В поле неведомом, посреди страны Половецкой, земля, зачерневшая под копытами, была костями засеяна, а кровью полита, и взошли они горем на Русской земле.
68. Что за шум, что за звон мне слышится?
69. Нынче до рассвета кинулся Игорь воротить полки на поле: жаль ему брата многого Всеволода.
70. Бились день, бились другой, а на третий день к полудню пали стяги Игоревы.
71. Тут братья разлучились на берегу быстрой Каялы.
72. Тут кровавого вина не достало.
73. Тут пир покончили храбрые Русские сыны: сватов попили, а сами полегли за землю Русскую.
74. Никнет трава от скорбей, а деревья кручиной пригнуло к земле.
75. Вот и настала, братья, невеселая пора: вот и пустыня силу покрыла.
76. Встала Обида в силах Дажбогова внука: это она вступила девою на землю Троянскую; это она заплескала лебязьими крыльями на синем море, у Дона, и плеском пробудила тлетворные времена смуты.
77. Больше нет победы князьям над погаными, оттого что брат брату сказали — «это мое, а то мое же», и стали князья про малое говорить — «вот, мол, великое» и сами на себя ковать крамолу.
78. А поганые со всех сторон приходили с победами на землю Русскую.
79. О! далеко, к самому морю зашел сокол, побивая птицу!
80. А Игоревой храброй рати не воскресить.
81. Ей вслед заголосила вопленица, и плач понесся по Русской земле.
82. Взаметя жар в пламенеющем роге, Русские жены запричитали:
83. «Уж нам своих милых-ненаглядных ни в мыслях не помыслить, ни в думах не отдать, ни в глаза не увидеть, а золотом да серебром и не побренчать».
84. И застонал, братья, Киев от горя, а Чернигов от напастей.
85. Тоска разлилась по Русской земле; едкая печаль хлынула внутрь земли Русской.
86. А князья сами на себя крамолу ковали.
87. А поганые, сами победно вторгаясь в Русскую землю, брали дань по шкурке со двора.
88. Это оба храбрых Святославича, Игорь и Всеволод, снова пробудили вражью силу, которую укротил было и держал в страхе и трепете их названный отец — Святослав грозный, великий, Киевский.
89. Со своими сильными полками и с мечами Фряжскими он напал на землю Половецкую, потоптал холмы и овраги, возмутил реки и озера, иссушил потоки и болота, а поганого Кобяка из Лукоморья, из железных полчищ Половецких будто вихрь вырвал, и рухнул Кобяк в городе Киеве, в гриднице Святославовай.
90. Тут немцы и Венецианцы, тут Греки и Мораване поют славу Святославу, кают князя Игоря, что потопил обилие в глуби Каялы и наполнил реки Половецкие Русским золотом.
91. Тут пересел Игорь князь из седла золотого в холопье седло

92. Заглохла твердыни городов, и веселье поникло.
93. А Святославу привиделся смутный сон.
94. «В Киеве на горах в эту ночь с вечера одевали меня, — сказал он, — черным саваном на кровати тисовой.
95. «Черпали мне синее вино, смешанное с горечьюю.
96. «Сыпали мне пустыми колчанами поганых Толмачей крупный жемчуг на грудь.
97. «И покоят меня, и стропила уже без князька в моем тереме златоверхом.
98. «Всю ночь с вечера хмурые вороны поднимали грай.
99. «В подгорье у Плесенска очутились дровни, и к синему морю их понесли».
100. И сказали бояре князю.
101. «Уже, князь, горе охватило разум.
102. «Это ведь два сокола слетели с отчего златого престола не то сыскать город Тму-таракань, не то напиться шлемом из Дона: уже соколам подрезаны крылышки саблями поганых, и обоих опутали путами железными.
103. «Темно ведь было на третий день: два солнца померкли, оба багряных столпа погасли и в море затонули, а с ними два молодых месяца заволоклись тьмою.
104. «Так на реке на Каялы тьма свет покрыла.
105. «По Русской земле простерлась Половцы, будто барсово гнездо, и великое буйство пошло от него до самого Гуна.
106. «Уже хула обрушилась на хвалу.
107. «Уже неволя грянула на волю.
108. «Уже низринулс Див на землю.
109. «И вот Готские красные девы запели на берегу синего моря: звеня Русским золотом, поют они время хмурое, мерно славят месть за Шарокана.
110. «А мы уже, дружина, изголодались по веселию!»
111. Тогда великий Святослав проронил золотое слово, смешанное со слезами, и сказал:
112. «О вы, братья и сыны мои, Игорь и Всеволод! Рано вы пустились Половецкую землю мечами крушить, а себе славы искать, но без чести была ваша победа, оттого что бесчестно пролита вами кровь праведная.
113. «Ваши храбрые сердца выкованы из жесткой Фряжской стали, а закалены в неразумной удали.
114. «Так-то вы уважили мою серебряную седину?»
115. «И уже своей силы не кажет могучий, богатый, многоратный брат мой Ярослав с его Черниговскими вельможами, с воеводами и с Татранами, и с Шельбйрами, и с Топчаками, и с Ревугами, и с Олберами, а они ведь без щитов, с одними сапожными ножами, гиком побеждают полки, бряцая славою прадедов.
116. «Но оба вы сказали: помужествуем сами, прежнюю славу себе присвоим и новою меж собою поделимся.
117. «Да разве диво, братья, старому помолодеть?»
118. «Если сокол перелинял, он высоко взбивает птицу: не даст гнезда своего в обиду.
119. «Но вот зло — князью мне не в помощь!»
120. Худо обернулись времена.
121. Чу! Римовичи кричат под саблями Половецкими, и падают удары на Володимира
122. Горе и скорбь сыну Глебову!
123. Великий князь Всеволод! Не по душе тебе прилететь издалеца на щиту отчего златого престола?
124. Ты же можешь Волгу веслами раскропить, а Дон шлемами вычерпать.
125. Окажись ты тут, была бы полонянка по ногате, а невольник по резане.
126. Ты же можешь и посуху живыми огненными стрелами шаракать — удалыми сыновьями Глебовыми.
127. Ты, буйный Рюрик с Давидом! Не ваши ли под золочеными шлемами понаплавали на крови?
128. Не ваша ли храбрая дружина рыкает, словно туры, раненные саблями калеными в поле неведомом?
129. Вступите, государи, в златые стремна за нынешнюю обиду, за землю Русскую, за раны Игоря, буйного Святославича!
130. Галицкий Осмомысл Ярослав! Высоко ты сидишь на своем златокованом престоле, подперев гою Угорские своими железными полками, загородив путь королю, затворив ворота Дуная, меча каменя поверх облаков, суды рядя до самого Дуная.
131. Грозы твои по землям несутся; ты отворяешь ворота Киеву; ты стреляешь с отчего златого престола по султанам чужеземным.
132. Стреляй же, государи, Кончака, поганого холопа, за землю Русскую, за раны Игоря, буйного Святославича!
133. А ты, буйный Роман с Мстиславом! Отважная мысль влечет ваш ум на подвиг.
134. В удалстве высоко ты возносишься на подвиг, как сокол парит над ветрами и яростно рвется осилить птицу.

135. Ну и железных панцырей у вас под шлемами латинскими! — от них загремела земля, и многие народы — Гуны, Литва, Ятвяги, Прусы и Половцы — копыя свои побросали и головы свои склонили под ваши Фряжские мечи.
136. Но для Игоря, князь, уже помертвел солнечный свет, и деревья неладно листву обронили.
137. Расхищены города по Роси и по Суле, а Игоревой храброй рати не воскресить.
138. Князь! Дон тебя кличет и сзывает князей на победу.
139. Ольговичи, храбрые князья, уже готовы к бою.
140. Ингварь и Всеволод и все трое Мстиславичей, не худого гнезда шестокрылые ястребы! По жребию побед вы снискали себе вотчины.
141. Где же ваши золотые шлемы и копыя Ляшские и щиты?
142. Загородите степям ворота своими острыми стрелами ради Русской земли, ради ран Игоря, буйного Святославича!
143. Ведь больше Сула не струится серебром на радость Переяславу-граду, и Двина у Полочан, прославивших грозными, ныне под калки поганых тиною течет.
144. Один лишь Изяслав, сын Васильков, прозвенел своими острыми мечами о Литовские шлемы, побил славу деда своего Всеслава, когда сам он побит мечами Литовскими, пал под алыми щитами на окровавленную траву — не то с милою на постель.
145. И было уже прежде поведано Бояном:
146. «Дружину твою, князь, птицы крыльями приодели, а звери кровь полизали».
147. Не было тут ни брата Брючислава, ни другого — Всеволода: одиноко изронил ты жемужную душу из храброго тела сквозь золотое ожерелье.
148. Заглохли голоса, поникло веселье, и трубят одни лишь Городецкие трубы.
149. Ярослав и все внуки Всеславы! Пришла вам пора опустить свои стяги, вложить в ножны свои мечи иззубренные.
150. Ведь вы уже отбились от дедовской славы.
151. Ведь вы своими крамолами стали наводить поганых на землю Русскую, на добро Всеславова.
152. Ведь это из-за смуты пошло насилие от земли Половецкой земле Троянской в седьмом тысячелетии.
153. Кинул Всеслав жребий о девице желанной.
154. Уловкой опершись о копые, он прынул к Киеву-граду и задел было древком Киевский золотой престол.
155. Лютым зверем прынул он из Белгорода в полночь, таясь под покровом синей мглы.
156. Знать трижды ему удалось урвать по кусу удачи — отворил было он врата Новгороду, перешиб славу Ярославу.
157. Волком прынул он до Немиги и ток утоптал: на Немиге стелют снопы голова в голову и молотят цепами из Фряжской стали; на току кладут жизнь, вывевают душу из тела.
158. У Немиги окровавленные берега неладно были засеяны — засеяны костями Русских сынов.
159. Князь Всеслав людей судил, князем он города рядил, а в ночь сам же волком рыскал: из Киева к Тмутаракани добежал до петухов и волком великому Хорсу путь пересекал.
160. Ему с утра в колокола позвонили у святой Софии в Полоцке, а он в Киеве звон заутрени дослушал.
161. Хоть и вещая душа в двояком теле, но часто он люто страдал.
162. Про него вещей Боян уж загода присловье, премудрый, поведал:
163. «Ни искуснику, ни хитрецу, ни щebetливому птенцу Суда Божьего не миновать».
164. О, стонать Русской земле, помянув первоначальное время и первых князей!
165. Того старого Владимира нельзя было втеснить в горы Киевские.
166. А ныне стяги его одни за Рюриком, другие за Давидом, и бунчуки их развеваются врозь.
167. На самом на Дунае копыя поют.
168. Мне не слышится голос Ярославны: поутру к земле неведомой она кукушкою кукует.
169. «Полечу я кукушкою, — молвила, — вниз по Дунаю.
170. «Омочу я бобровый рукав в Каялы-реке.
171. «Утру я князю его кровавые раны на крепком его теле».
172. Ярославна плачет поутру в Путивле на стене кремлевской, приговаривая:
173. «О ветер-ветрило! Зачем ты, государь, сурово дуешь?»
174. «Зачем на своих беспечных крыльях ты Гунские стрелы взметаешь на воинов милого моего?»
175. «Или не вдоволь было тебе веять в вышине под облаками и качать корабли на синем море?»
176. «Зачем ты, государь, мое веселье по ковылям развеял?»
177. Ярославна плачет поутру в Путивле-городе на стене кремлевской, приговаривая:

178. «О Днепр Словутич! Ты пробил каменные горы сквозь землю Половецкую!
179. «Колыхая, ты нес на себе челны Святослава до полчища Кобякова.
180. «Колыхая, ты вспять понеси, государь, милого моего ко мне, чтоб не слать мне слез поутру к нему на море!»
181. Ярославна плачет поутру в Путивле на стене кремлевской, приговаривая:
182. «Светлое, трижды светлое солнце! Для всех ты тепло и прекрасно.
183. «Зачем, государь, ты простиер свой знойный луч на воинв милого моего и в поле безводном иссушил им жаждою луки, кручиной сомкнул им колчаны?»
184. Взабушевало море в полуночи, смерчи идут: сквозь туманы Игорю князю Бог путь кажет из земли Половецкой в землю Русскую, к отчему золотому престолу.
185. Зори вечера погасли: Игорь спит, Игорь бдит, Игорь в мыслях мерит поля от Дона Великого до Малого Донца.
186. Влур, похитив коня, в полночь свистнул за рекой — князю знак подает: не быть князю Игорю колодником!
187. Застучала земля, зашумела трава, зашевелились кибитки Половецкие.
188. А Игорь князь понесся горностаем к камышам, белым гоголем в воду.
189. Он взметнулся на борзого коня, а соскочил с него белоногим волком.
190. И помчался к лугам Донца и соколом полетел под туманами, избивая гусей и лебедей к завтраку, обеду и ужину.
191. Лишь полетел Игорь соколом, тут волком Влур побежал, осыпая студеную росу: уже надорвали оба борзых своих коней.
192. Донец промолвил:
193. «Князь Игорь! Тебе немало торжества, Кончаку злобы, а Русской земле веселія!»
194. Игорь промолвил:
195. «О Донец! Немало торжества тебе, колыхавшему князя на волнах, расстилавшему для него траву зеленую на своих серебристых берегах, одевавшему его теплыми туманами под сенью зеленеющих деревьев.
196. «Ты стерег его гоголем на воде, чайкою поверх струй, уткой-чернетью поверх ветров!»
197. Нет, таких тебе речей не вела река Стugna: худа своею струею, поглотив чужие ручьи и потоки, затерла в двух кустах юношу князя Ростислава, затворила в омуте близ темного берега.
198. Плачется Ростиславова мать по юному князю Ростиславу.
199. Заглохли цветы от скорби, и деревья кручиной пригнуло к земле.
200. То не сороки застрекотали — по Игоревым следам блуждает Гза с Кончаком.
201. Тогда вороны не каркали, галки приумолкли, сороки не стали стрекотать.
202. Только дятлы сновали по ивам — стуком путь к реке кажут, но уже соловьи веселыми песнями возвещают рассвет.
203. Говорит Гза Кончаку:
204. «Ежели сокол к гнезду летит, мы с тобою расстреляем соколенка своими золотыми стрелами».
205. Кончак сказал Гзе:
206. «Ежели сокол к гнезду летит, то мы с тобою опутаем соколика красною девицей».
207. И сказал Кончаку Гза:
208. «Если мы его опутаем красною девицей, не будет нам с тобой ни соколика, ни нам красною девицы, и станут бить наших птиц на поле Половецком».
209. Уже и про сына Святослава было поведано Бояном, песнотворцем старого времени — Ярослава, Олегова, первокняжеского:
210. «Колы тяжко тебе, голове, без плеч, худо тебе, телу, без головы» — Русской земле без Игоря.
211. Солнце светит на небе: князь Игорь в Русской земле.
212. На самом на Дунае девицы поют, вьются голоса через море до Киева.
213. Игорь едет по Боричеву ко святой Богородице Пирогощей.
214. Страны рады, города веселы.
215. Прежде старых князей величали, настал черед молодым.
216. Слава, Игорь Святославич, буйный тур Всеволод, Владимир Игоревич!
217. Будьте здравы, князья и дружина, ратующие за христиан с погаными полками.
218. Князьям слава, а дружине честь.